

Моей сестре,
Дженнифер Магера, — ты мой герой
и мой человек!

Пролог

Как и в любой трагедии, все произошло потому, что он любил.

На пороге зрелости молодой человек встретил девушку. Она была красива, и все в городе желали ее — в том числе и могущественный сансин¹, о чем юноша, впрочем, не догадывался.

Многие ученые и дворяне предлагали ей свою любовь, но она выбрала его, никому не нужного младшего сына из семьи низшей знати. Она призналась ему в любви, и они собирались пожениться.

В подарок своей будущей невесте юноша заказал керамическую вазу.

Он не подозревал, что она готовила подарок ему взамен. Девушка, которую он любил, была не обычной девушкой. Она была лисой, кумихо², и она хотела стать человеком ради него. Но сансин, который жаждал девушку, обманул ее. Он убедил ее в том, что она сможет стать смертной, если убьет. Сто печенок съела она за сто дней. Только так могла она забрать

¹ Сансин (*кор.* 산신) — горное божество.

² Кумихо (*кор.* 구미호) — букв. «девятихвостая лисица», мифическая бессмертная лиса из корейского фольклора.

ци¹ своих жертв — энергию, которая питает все живое в мире. Одного не знала она — мир требует равновесия. Забирая души других, лисица приносила в жертву свою собственную.

В ночь перед свадьбой она пришла к своему жениху.

Он проснулся, увидел, как оmyвает ее лунный свет.

И съезился в страхе перед ней. Ибо была она не человеком, а наполовину женщиной, наполовину демоном. Девять хвостов обвилились вокруг девушки, открывая ее истинную сущность, а душа ее была окутана тенями.

Он отверг ее любовь. И тогда, отчаявшись, опоенная ци кумихо набросилась на него и в слепой ярости убила.

Но не оборвалась его жизнь: он проснулся вновь. Только не как человек, а как чудище. Токкэби². Шаманка, что служила сансину, прокляла юношу и обрекла его вечно бродить по земле в теле чудовища-гоблина.

В отчаянии он хотел убить шаманку. Но не успел он этого сделать: шаманка соврала, что это кумихо попросила ее проклясть его в отместку за отказ жениться на ней. И тогда шаманка дала юноше шанс отомстить самому. Она помогла ему заточить кумихо до конца ее бессмертной жизни. Та ваза, что должна была стать его свадебным подарком, стала тюрьмой для лисицы.

А Чуну на всю жизнь остался токкэби.

¹ Ци (*кор.* 기) — человеческая энергия, также известная в культуре восточноазиатских стран как ци, чи и джи.

² Токкэби (*кор.* 도깨비) — гоблины; существа из корейского фольклора, обладающие магией и умеющие общаться с людьми. Иногда они помогают людям, иногда обманывают их.

1

Миён любила свою мать.

Миён оплакивала свою мать.

Мать Миён преследовала ее.

Раньше она нечасто видела сны, а когда видела, то они были о ее жертвах. Но теперь, похоже, ей снилась и мать.

Ночью Ку Йена пришла к Миён. Ее кожа была такой бледной, что казалась прозрачной. Возможно, именно так и выглядят кумихо, когда умирают. Они становятся призрачными существами, преследуют вас.

— *Омма¹, — сказала Миён. Этим невинным словом маму зовут дети. Миён не называла так Йену с самого детства. Лишь однажды. Однажды, когда Йена умира- ла у нее на руках. — Прости.*

— *Прости? — На пороге смерти голос Йены звучал глухо, отстраненно. Дрожь пробежала по спине Миён.*

— *Я должна была спасти тебя.*

— *Как ты могла спасти меня, если и себя спасти не можешь? — спросила Йена, и в ее словах, тяжело повисших в воздухе, прозвучала тоска. Это был не вопрос, скорее обвинение.*

¹ Омма (кор. 엄마) — мама, мамочка.

— *Что ты такое говоришь? — По спине Миён холодком пробежал страх.*

— *Ты не можешь спасти себя, потому что даже не знаешь, в какую беду ты попала. Моя милая девочка. Моя глупая секки-я¹.*

Слова задели Миён, но она не могла медлить.

— *Какая беда? Ты про то, что у меня нет ёву кусыль² — Миён и до этого беспокоилась, что потеря лисьей бусины худо обернется. Но она и представить не могла, что на ее матери это тоже отразится.*

Йена отвела взгляд. Свет в ее глазах запульсировал, а затем исчез вовсе.

— *Я плохо подготовила тебя.*

— *Нет, ты сделала для меня все, что могла.*

— *А теперь тебе придется справляться самой.*

— *Как? — Холод проник в Миён так глубоко, что свело кости.*

— *Хотела бы я, чтобы у нас было больше времени. — Йена вздохнула и начала таять, растворяясь в темноте.*

— *Омма! — вскрикнула Миён. Холод со спины перетек к ногам и рукам. Она едва могла двигаться, как будто сама ее кровь замерзла.*

— *Как ты будешь дальше жить без меня? — спросила Йена. — Как ты собираешься выжить?*

— *Возможно, я не сумею, — ответила Миён за мгновение до того, как ее тело окаменело. До того, как она стала каменной, такой холодной, что не могла даже пролить слезы, стоящие в глазах.*

¹ Секки, или секки-я (кор. 새끼) — букв. «детеныш», часто используется сленговое ругательство, которое точнее всего будет перевести как «ублюдок», хотя иногда могут ласково называть так ребенка (зависит от ситуации).

² Ёву кусыль (кор. 여우구슬) — лисья бусина.

— Возможно, ты не сумеешь, — повторила Йена, прежде чем мир превратился в ледяную пустоту. Пустоту, что была темнее самой тьмы, вакуум, поглощающий все, к чему прикасается.

И когда Миён проснулась, ее глаза горели. Не от слез. Ее щеки были сухими, как кость.

Когда Миён начала сниться погибшая мать, она подумала, что это всего лишь сны. Своего рода защитная реакция. Что так она оплакивает потерю. Но теперь она беспокоилась, что сны означают нечто большее. Что-то было не так. С тех пор как Миён потеряла лисью бусинку, ей казалось, что она живет в каком-то странном пограничном состоянии. Не совсем человек, но и не совсем кумихо. К тому же Йена приходила к ней все чаще и чаще. А ее загадки становились все более угрожающими. Все это наверняка связано.

2

Чуну любил выгодные сделки. Иногда он ненавидел заниматься бизнесом.

Но доллар есть доллар, чья бы рука тебе его ни дала.

Чуну повторял себе это снова и снова, пока... клиент объяснял, что ему нужно.

— Думаю, я понял, — сказал Чуну.

Существо перед ним фыркнуло, обдав Чуну затхлым дыханием. Одето оно было в мешковатые брюки и плохо сидящую рубашку. И в поношенное пальто, хотя на улице стояла изнуряющая августовская жара. С широкого лица с большим носом на Чуну смотрели глубоко посаженные глаза. Кожа у существа была красная, как у человека, который всю жизнь провел у бутылки. Или как у твари, в существование которой верили только семилетние детишки.

Токкэби. Тот самый гоблин, который украшал страницы сказок и мифов.

И Чуну был одним из них. Он первым понял, что существуют разные виды токкэби, хотя, если бы кто-нибудь заинтересовался этим вопросом, он бы тоже наверняка это выяснил.

Чуну был чхонгак токкэби, токкэби-холостяком, единственным видом, способным очаровывать дру-

гих. Эти токкэби были настолько прекрасны, что захоти они — и любой бы пал к их ногам.

Так что, несмотря на то что мускулистое, туповатое существо перед ним тоже носило имя токкэби, Чуну никогда бы не назвал его сородичем.

— Думаю, у меня должно быть что-нибудь, что поможет с вашей... проблемой, — деликатно проговорил Чуну. Он не хотел давать токкэби возможность посвятить его в свои изуверские замыслы.

— Хорошо, — пробормотал токкэби. — Не думал, что ты согласишься. Я никогда не слышал, чтобы кто-то нашего рода был торговцем.

— А, понимаю, — спокойно сказал Чуну, хотя внутри у него все горело от возмущения и раздражения. Возмущения, потому что большинство токкэби, несмотря на ужасную гигиену и вкус, смотрели на него свысока. И раздражение, потому что он знал, что это не должно задевать его, однако задевало. — Скажите, как вы узнали о моих услугах?

— Я особо не скрывал своих планов, и однажды появился этот парень, определенно не человек. Но я никогда раньше не встречал таких, как он. Он был почти похож на бога.

— Божество рассказало вам о моем бизнесе? — удивился Чуну.

— Нет, он не бог. Просто держался так, словно он выше всех нас.

При этих словах в голове Чуну что-то вспыхнуло.

— В любом случае он рассказал мне о тебе, но я не был уверен. Все-таки покупать что-то у токкэби — за тежка так себе. — Гоблин глянул на Чуну.

Он бы оскорбился, не будь это правдой: хотя токкэби и славились своей ненасытной жадностью, зарабатывать им не было нужды. Они могли сыскать

богатства с помощью панмани¹ — своего волшебного гоблинского посоха, которым некоторые не самые дружелюбные токкэби заодно и врагов избивали. Единственное, что токкэби любили больше денег, — это обман и шалости. Поэтому токкэби, который ведет бизнес — даже если это продажа талисманов на черном рынке, — определенно выглядит подозрительно. Как мошенник, только и жаждущий прибрать к рукам все твои денежки.

— О, вообще он просил кое-что тебе передать. — Токкэби щелкнул пальцами. — Он велел сказать, что меня послал Хёк, и тогда ты мне точно поможешь.

— Ах вот как, вот как... — отвернувшись к большому деревянному сундуку, Чуну принялся рыться в товарах. Только так он мог скрыть удивление. Хёк. Чосын саджа². И знакомый из прошлого Чуну, которое тот предпочел бы забыть. «Чего хочет от него этот старый жнец?» — в недоумении размышлял Чуну, роясь в десятках маленьких ящичков, в которых хранились разные безделушки и волшебные зелья. Он перелопатил целую кучу, прежде чем нашел то, что искал.

Гоблин захохотал, и Чуну испугался, что тот собирается напасть. Но потом он осознал, что это смех, и понял, что будет дальше.

- Ты не можешь просто призвать его?
- Мой панмани остался в магазине.

¹ Панмани (кор. 방망이) — огромная дубинка токкэби, которую те используют в драках, а также чтобы материализовать все, что они пожелают.

² Чосын саджа (кор. 저승사자) — в корейской мифологии мрачный жнец (см. также Примечания). Одет обычно в свободный черный халат и кат — черную шляпу, которую носили во времена династии Чосон.

— У тебя его нет? Ни один токкэби в жизни бы не расстался со своей дубинкой, — проворчал токкэби.

— Наверное, я не такой, как другие токкэби, — пробормотал Чуну.

— То есть колдовать ты не можешь? — засмеялся токкэби.

Чуну стиснул челюсти, чтобы не рявкнуть. Так будет лучше. Не стоит терять хладнокровие перед клиентом, даже таким тупым. Ладони горели — он чуть ли не до крови впился в них ногтями. Чуну медленно разжал кулаки и повернулся, изобразив на лице приветливую улыбку.

— Ну, вам повезло: для вашей просьбы магия мне не понадобится. — Чуну поменял конверт, который он выбрал первым, на тот, что был под ним. — Думаю, с этим вы далеко пойдете.

— Странный ты токкэби. Работаешь, как какой-нибудь человек, — усмехнулся гоблин.

Чуну стиснул зубы, но заставил себя улыбнуться. Он вытащил золотой талисман из конверта.

— Я сказал, это должно вам помочь.

Токкэби нахмурился, но наклонился рассмотреть талисман. Пальто на нем слегка распахнулось, и Чуну заметил деревянную рукоять. Панмани токкэби.

Интересно, задумался Чуну, сможет ли он ее захватить? Да и послушается ли она его? У него так давно не было дубинки...

Ему нестерпимо хотелось потянуться к рукоятке, но токкэби первым протянул руку к конверту. Толстую, мясистую. Эта рука вполне могла бы разорвать Чуну напополам. Если он и мог чем-то похвастаться, так это осмотрительностью.

Чуну отступил назад, не давая токкэби схватить конверт.